

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 01 Volume: 45

Published: 30.01.2017 <http://T-Science.org>

Vladimir Kreminaldovich Gasanbekov
Scientific researcher
Tashkent, Uzbekistan

SECTION 30. Philosophy

ESTIMATION OF SPORT'S PHENOMENON IN PHILOSOPHICAL TRADITIONS OF THE NEW AND THE NEWEST AGE

Abstract: In this article retrospective analysis of phenomenon of sport in philosophical tradition of the New age and Contemporary philosophy is given.

Key words: sport, sport's movement, developing of sport, retrospective analysis, philosophy of sport, forming of person, philosophical traditions of harmoniously developed person, Olympics, Olympic movement.

Language: Russian

Citation: Gasanbekov VK (2017) ESTIMATION OF SPORT'S PHENOMENON IN PHILOSOPHICAL TRADITIONS OF THE NEW AND THE NEWEST AGE. ISJ Theoretical & Applied Science, 01 (45): 179-188.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-01-45-34> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.01.45.34>

ОЦЕНКА ФЕНОМЕНА СПОРТА В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация: В данной статье проведен ретроспективный анализ феномена спорта в философской традиции Нового времени и современной философии.

Ключевые слова: спорт, спорт, движение, развитие спорта, ретроспективный анализ, философия спорта, формирование личности, философские традиции гармонично развитой личности, Олимпийские игры, Олимпийское движение.

Introduction

Философское осмысление современной западной модели спорта предполагает поиск тех исходных интуиций и условий, которые сделали возможным его возникновение в эпоху Нового времени. Эти цивилизационные истоки надо искать в процессах, связанных с преодолением наследия европейского средневекового христианского традиционализма и его отличительных черт. Речь идет, прежде всего, о сословно-классовой структуре европейского общества с его консервативностью и низким коэффициентом социальной мобильности на фоне преимущественно аграрного типа экономики и маргинального характера городской жизни. Другая важна черта, подвергшаяся демонтажу в последующую эпоху, заключается в преобладании в общественном сознании Европы христианского религиозно-мифологического комплекса с его третируванием телесного (земного).

В результате преодоления этой парадигмы в эпоху Возрождения и Нового времени возник

новый тип урбанистической европейской (западной) культуры, основанный на примате суверенной личности, которая реализует свой творческий потенциал в условиях буржуазно-капиталистического способа производства. Становление последнего происходило на фоне дехристианизации европейского общественного сознания и культуры, обратной стороной которого была реабилитация дохристианского европейского культурного наследия, ремифологизация античности, включение этого мифа в новый культурный контекст эпохи модерна.

Ключевые элементы этого мифа были сформированы в рамках гуманистической и неоплатонической традиции Возрождения. Речь идет о реабилитации телесного и холизме как ренессансном аналоге античной калокагатии, а также о провозглашении высшей ценности активности индивида как суверенного творца себя самого и той реальности, которая во многом дополняет божественное творение.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Materials and Methods

Вот как высказывается на эту тему один из классиков европейского Возрождения, заложивший основы нового мировоззрения, Джованни Пико делла Мирандола (1463-1494). В своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» он восклицает устами самого Бога-Творца: «Не даем мы тебе, о, Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах уставленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. И далее: «О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, что пожелает, и быть тем, кем хочешь!»

Суммируя революционные изменения в мировоззрении европейцев, ведущий современный российский философ П.П.Гайденко заключает: «Такой силы, такой власти своей над всем существующим и над самим собой человек не чувствовал ни в Античности, ни в Средние века.

Только в эпоху Возрождения он осознал себя творцом, "свободным и славным мастером", только в эту эпоху он ощутил себя ничем не ограниченными природой, которая была божественным началом у греков, ни богом христианской религии, отменившим божественность природы, а теперь постепенно терявшем власть и над человеком. Вот почему в эпоху Возрождения фигура художника обретает особое символическое значение: в ней наиболее адекватно выражается самая глубокая для Ренессанса идея человека-творца, ставшего на место Бога".

Квинтэссенция сознания Нового времени-его утопизм. Все масштабные проекты модерна восходят к новоевропейской утопической традиции Т. Мора и Т. Кампанеллы, как к своему праробу. Сущность новоевропейской утопии заключается в переносе и модификации христианского идеала CIVITAS DEI в сферу имманентного (социальной практики), и как следствие- преодоление христианского дуализма "неба и земли". Отныне секуляризованный идеал "Царства Божия" как совершенного состояния человека, общества и всего мира объявлялся вполне достижимым. Способами, инструментами его воплощения становились позитивная наука, материалистическая философия и социальное проектирование.

Условием успешности последнего должно было стать создание "нового человека".

Отличительной особенностью всех проектов модерна, при всем их доктринальном и стилистическом разнообразии – от нацизма и коммунизма до либерального политического мифа – является своеобразное неприятие реальности "здесь и сейчас", установка на ее трансформацию, имеющую источник в христианской мифологеме Преображения. Светской модификацией последнего и стала базовая для сознания Новой и Новейшей Европы категория "прогресс".

Думается, что есть все основания утверждать, что спорт, как один из ключевых социокультурных феноменов Нового и Новейшего времени, стал одним из тех проектов модерна, который вполне вписывается в общую парадигму развития новоевропейского сознания и культуры и имеет своим генетическим истоком указанную выше установку на преобразование мира и человека в нем. Вышедшая в 1998 году в Англии, книга известного ученого и авторитетного общественного деятеля Нила Трентера "Спорт, экономика и общество Великобритании (1750-1914)" повествует о т.н. "спортивной революции" в Великобритании времен правления королевы Виктории (1837-1901) и короля Эдуарда VII (1901-1910). Именно тогда были заложены основы современного профессионального спорта и предопределено его будущее процветание - как в туманном Альбионе, так и на всем европейском континенте, для которого родоначальники футбола послужили образцом и во многих других проявлениях этой своеобразной человеческой деятельности.

Олимпийское движение для него есть «...движение, порожденное извечным стремлением человека к миру и братству, оно является школой воспитания благородства и нравственной чистоты, равно как физической выносливости и силы».

Адекватная оценка нового феномена спорта в Новое время, оценка его философских, идеологических и аксиологических оснований, возможна лишь с учетом того, что спорт основан на утопическом переносе идеалов в сферу имманентного, что с неизбежностью предполагало использование ремифологизированного аспекта прошлого Европы. В частности, речь идет о той традиции спортивной активности, которая сложилась в Античности и была искусственно воссоздана и, несомненно, идеализирована с тем, чтобы стать своеобразным легитимизирующим началом в отношении спортивной активности Нового времени.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Воссоздание мифа о спорте в Греции в связи с возникновением философии и идеологии олимпизма СТАЛА одной из ключевых задач, стоявших перед основателем этого движения-французским аристократом, бароном Пьером де Кубертенем. Использование мифологического подтекста в философском и идеологическом обосновании феномена спорта было вполне оправдано и даже неизбежно, поскольку спорт в Новое время, как и любой другой проект модерна, нуждался в сакрализации. Это должен был быть новый тип сакральности в рамках светской, атеистической и материалистической культуры Нового времени. Эта сакральность достигалась не через отсылку к христианской религиозно-мифологической модели, но через возвращение новоевропейского сознания эпохи модерна к античным этико-эстетическим канонам, воплощенным в древнем олимпийском движении.

Механизм запуска проекта под названием «спорт» в эпоху Нового времени может быть адекватно оценен лишь с учетом той специфики социально-экономической, политической и духовной организации европейского общества, которая возникла в эпоху интенсивного развития буржуазно-капиталистических отношений. Старые феодальные элиты теряли свое приоритетное положение, уходили в прошлое. Возникла потребность в создании новой элиты, и эта потребность реализовывалась через выработку новых критериев отбора ее участников.

Решающим принципом здесь оказывался личный успех и успешность индивида в социальной практике, которая достигается через всесторонне духовное телесное развитие индивида. Создавалась новая аристократия взамен старой феодальной, окончательно утратившей свои позиции в новой Европе и превратившейся в своеобразный рудимент старого европейского традиционализма, в некий декоративный элемент новой буржуазно-капиталистической реальности. Относительно целей, связанных с созданием новой аристократии через всемерное развитие духовных и телесных потенций человека новой Европы, сам отец-основатель олимпийского движения высказывается вполне определенно: «Именно выдающийся атлет должен стать основой новой аристократии, абсолютно эгалитарной по происхождению, поскольку определяющими факторами являются единственно телесное превосходство индивида и его мускульные возможности, умноженные до определенной степени его волей к тренировке».

Неудивительно, что базовая для новоевропейского сознания интенция относительно формирования нового человека

находила в спорте один из самых эффективных инструментов для достижения этой цели. Философия олимпизма позиционировала себя как своеобразный символ новой веры, евгенический контекст которой ощущается вполне отчетливо. Как отмечает профессор норвежского университета физкультуры и спорта Зигмунд Лоланд, автор статьи «Кубертен и идеология олимпизма с точки зрения истории идей» (1967): «Кубертен так и не свел свои идеи в более или менее строгую систему норм и ценностей».

Он говорил об олимпизме не как о системе, но как о «состоянии души» (*une attitude spirituelle*), которое «способствует всестороннему и всеобщему спортивному образованию, пронизанному истинным мужеством и духом рыцарства, включающему в себя художественные и литературные проявления, будущему двигателю национального и средоточию гражданского бытия».

Новая концепция спорта как символа веры в успешного новоевропейского человека, в том виде в каком она формировалась в рамках движения олимпизма, предполагала установку на преодоление всех и всяческих пределов-установку на рекорд. Это было вполне объяснимо в контексте доминирующего в эпоху Нового и Новейшего времени принципа прогрессивно-поступательного развития. Мифологема прогресса, которая лежит в основании современной западной цивилизации, как уже отмечалось, имея иудео-христианский исток, повелительно требовала расширения до возможно более широких пределов физических и духовных возможностей человека. Спортивная деятельность здесь была более чем инструментальна. Речь идет о возрождении в контексте философии олимпизма старого античного героического идеала. Новая аристократия в том виде, в каком ее планировал Пьер де Кубертен и его последователи, а также представители иных социально-утопических проектов модерна, и должна была состоять из этих героев.

Поразительно, но именно это обстоятельство объясняет то, насколько легко и свободно спорт как социокультурный феномен в эпоху Нового и Новейшего времени использовался самыми разными социальными проектами, возникшими в контексте европейского утопизма. Он одинаково и легко монтировался и в контекст нацистской идеологии Третьего Рейха, и в контекст коммунистической идеологии Советской России в качестве важнейшего инструмента и механизма создания нового человека, нового героя, чьи возможности были поистине неограниченны.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

В этой связи интересен следующий факт. Профессор Техасского университета и автор книги «The Olympic Crisis. Sport, Politics and The Moral Order» (1986) Джон Хоберман, говоря об убеждениях Кубертена, характеризует его «...как демократа, который считал «победу демократии» одним из тех завоеваний истории, без которых она вполне могла бы обойтись, и пацифиста, который говорил об антимилитаризме как о форме невроза, чем-то вроде фобии на оружие, инфантильной и жалкой». Вместе с тем барону очень нравилась постановка «спортивного воспитания масс» в фашистской Германии, которую он неоднократно посещал и даже 4 августа 1935 года выступил с восторженной речью по немецкому радио.

Как в случае практически с любым проектом модерна, в спорте Нового и Новейшего времени мы видим избыточную идеализацию человека. Та система ценностей, которая лежит в основании олимпизма как доктрины, покоится на идеалах достоинства, творчества, гармоничного развития личности, мира, дружбы, взаимопонимания, уважения общения людей. Все они вряд ли могут вызвать какое бы то ни было сомнение в своей значимости и вполне органично вписываются в контекст гуманистической секулярной культуры Запада Нового и Новейшего времени.

«С самого начала олимпийское движение подчеркивало приоритетную роль этических и эстетических ценностей спорта, полагало их основными своими ориентирами и содержанием. Это выражала и известная формула, гласившая, что главным в играх является не победа, а участие и создание радостной и благожелательной атмосферы всечеловеческого общения.

Здесь уместно заметить, что не совсем верно выражение «главное не победа, а участие» выдавать за лозунг олимпизма. Таким лозунгом является: «Главное не победа, а борьба за нее», что имеет совсем иные акценты и даже совсем иное понимание смысла участия в состязаниях. Здесь подчеркивается, что участник обязуется проявлять предельные усилия и способности, до конца ведет бескомпромиссную борьбу за победу».

С точки зрения немецкого ученого О. Групе можно выделить пять основополагающих ценностей, на которые в свое время ориентировал олимпийское движение Пьер де Кубертен. Они распределяются следующим образом: «... концепция гармоничного развития личности; возможность самосовершенствования на пути к высшим спортивным достижениям; принцип любительства как проявление самодисциплины и отказ от материальной выгоды; этический кодекс спорта; формирование

спортивной элиты». Скептическая оценка этих идеалов возникает лишь тогда, когда оказывается очевидной их заведомая неосуществимость на практике. Слишком большой разрыв между декларациями Олимпийской хартии и той практической наполненностью спортивного движения, которую все чаще и чаще квалифицируют как чрезмерно коммерциализированную и направленную на превращение спортивной активности в один из элементов массовой культуры общества всеобщего потребления.

Первые Олимпийские игры Нового времени были организованы и проведены бароном Пьером де Кубертенем в 1896 году. Современные Олимпийские игры, как и олимпийское движение в целом, все чаще и чаще дают основания для скептицизма и критицизма в отношении к той философской, мировоззренческой доктрине, которая была декларирована Кубертенем. Как уже отмечалось выше, она входит в кричащее противоречие с практическим наполнением современной спортивной активности, давно ставшей на Западе элементом массовой культуры.

В этой связи отмечается наличие двух тенденций в рамках олимпизма как философского и идеологического комплекса. Речь идет о романтизме и прагматизме. Романтическая составляющая олимпизма все еще покоится на мифологизированных и избыточно декларативных идеалах Олимпийской Хартии, отвечающих духу новоевропейского сознания и лежащих в его основе постхристианских, либеральных, ценностных и идеологических установок. Прагматический компонент олимпизма, который вышел на первый план в результате интенсивной профессионализации и коммерциализации спортивной деятельности, очевидным образом связан с вхождением западной цивилизации в новую техногенную стадию своего развития, которая в сфере общественного сознания сопровождается широчайшим распространением массовой культуры.

В результате спорт, спортивная деятельность превращается в одну из наиболее прибыльных областей современного бизнеса. «Техногенная стадия развития индустриального общества характеризуется вытеснением традиции новаций, бесконечным стремлением к созданию нового (знаний, структур, процессов). Спортивное мышление, впрочем, как и общественное сознание в целом, реагирует на это явление культом рекордов. Погоня за ними осуществляется в различных областях жизни, но наиболее выраженный характер обретает в спорте. В романтизме, по сути, сочетаются два типа мышления, достаточно разным образом

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

проявляющие себя: оптимистическое-возрожденческое и пессимистическое - кризисное. Обладателем первого из названных типов мысли был сам Пьер де Кубертен.

Он был уверен, что олимпийские игры станут праздником молодежи, праздником «человеческой весны», пламенных усилий, многочисленных честолюбий и всех форм активности каждого поколения, которое возникло на пороге жизни».

Впрочем, несмотря на очевидную тенденцию усиления прагматических аспектов, романтический компонент, связанный с мифологической подосновой олимпизма и сакральной санкции мифа в отношении спортивной активности как таковой, продолжает оставаться важным элементом пропаганды и обоснования значимости спорта для решения тех насущных социальных задач, которые стоят перед современным обществом потребления. Противоборство, диалектическое взаимодействие двух этих тенденций и является стержнем развития современного спорта на Западе и скорее всего - будет набирать обороты.

Таким образом, именно в рамках олимпизма как своеобразной новоевропейской мифологической и философско-идеологической установки, входящей в контекст гуманистической традиции Новой и Новейшей Европы, мы обнаруживаем те узловые проблемы, которые лежат в основании современного философского дискурса относительно спорта на Западе. Речь идет об этико-эстетических аспектах спортивной активности, о взаимодействии спорта и массовой культуры, коммерциализации спорта. В конечном итоге комплекс этих проблем, которые активно дебатировались в философской литературе, посвященной проблемам спорта главным образом в США и Европе, сводится к осмыслению исходных онтологических оснований этого социокультурного явления, которые нами были обозначены выше. Не менее важны и оценки перспектив развития спорта в контексте футурологических схем, пытающихся очертить перспективу развития не только западной цивилизации, но и всего человечества в ближайшем и более отдаленном будущем.

Как и любой другой социальный проект модерна олимпизм, в том виде в каком он был создан Кубертенем, нуждался в известном элементе сакрализации. Теоретическая основа этого проекта нами уже была обозначена. В ней отчетливо читается стремление к преодолению того структурного социально-экономического и политического кризиса Европы, который возник в семидесятые годы 19 века, в частности, в связи с поражением Франции во франко-прусской войне в 1870 году.

Кубертен весьма эклектичен в попытках создания той новой мифологии, которая в конечном итоге обрела черты современного олимпийского движения. В этом синкретизме находят свое место, в частности, элементы социал-дарвинизма и теории воспитания, которая воспринималась самим бароном как панацея от всех социальных бед. В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, для которых улучшение условий существования возможно лишь при изменении политических и экономических отношений, Кубертен считает наиболее важным именно воспитание. «Возможности, заложенные в политическом и экономическом фундаменте современного общества, с помощью воспитания полностью раскрываются и вместе образуют твердые рамки, в которые должны быть вписаны физические, духовные и душевные силы людей.»

Кубертен исходил из необходимости гармоничного сочетания трех уровней, составляющих квинтэссенцию человеческого существования, а именно: телесно-физического, духовно-нравственного и социально-политического. По его мнению, мужчина «...тренируя физическую мускулатуру, развивает и «мускулатуру духовно-нравственную», приобретая вместе с телесными свойствами «гибкости», «ловкости», «силы» и «крепости» также и морально-физические качества: «энергию», «выносливость», «боеготовность». Очевидно, что достижение всех этих целей могло быть гарантировано лишь с учетом наличия своеобразной веры в возможность, в целесообразность и главное-в реальность тех идеалов, которые лежат в основе олимпийской концепции современного спорта.

Было бы большим заблуждением усматривать в общественном сознании Нового и Новейшего времени, внешними проявлениями которого являются материализма и атеизм, нечто абсолютно стерильное в отношении мифологического мироощущения и иррациональной веры, которая лежит в основе последнего. Новая и Новейшая Европа не менее религиозны, чем предшествующее им христианское Средневековье. Правда, характер этой религиозности видоизменился, подчас, до неузнаваемости. Речь идет о сакрализации, придании избыточного ценностно-смыслового статуса самому человеку и создаваемым им социальным моделям и духовного бытия. Это, в общем и целом, вполне вписывается в контекст преодоления христианского трансцендентализма и сведения бытия к вещественно-материальной одномерности, то есть тем процессам, которые и были квинтэссенцией развития европейской культуры Нового и Новейшего времени. На этой волне различного рода модификации т.н. «гражданской религии» к числу которых

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

относится и *religio athletae* вполне объяснимы и востребованы.

Известный немецкий философ Ганс Ленк в своей книге «*Werte-Ziele-Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele*» (1964) перечисляет 11 основных элементов, составляющих ценность современного Олимпийского движения, в том виде, в каком эти ключевые категории были обозначены самим Кубертенем: «1. Торжество религиозно-культового типа. 2. Художественная и духовная образность. 3. Элитарность и равенство шансов. 4. Стремление к успеху, состязательность. 5. *flair play* и рыцарский дух. 6. Регулярное – каждые несколько лет – проведение соревнований и заключаемый на это время мир. 7. Интегральный характер игр, основанный на уважении национальных суверенитетов. 8. Единство всех видов спорта. 9. Любительский характер спорта. 10. Независимость Олимпийского движения во главе с МОК. 11. Античный прообраз современного олимпийского движения».

Декларативный характер этих постулатов был очевиден уже для самого Кубертена. Поэтому, вполне объясним тот интерес, который он испытывал к визуализации этих идеалов через систему культовых обрядов и символов. Классическим примером использования сакрального, культового и обрядового элементов в современном олимпийском движении является Олимпиада 1936 года. Зажигание Олимпийского огня в Олимпийской роще, факельная эстафета, пересекающая множество стран, торжественное открытие игр на специально построенном для этого стадионе, множество символов, ритуалов, строительство олимпийской деревни, флаг и гимн, особая церемония открытия и, наконец, сама олимпийская клятва-все это имело высочайшую эстетическую оформленность, и производило глубочайшее воздействие на зрителя. Результатом являлось видоизменение состояния сознания европейца, причастного к этому мифоритуальному, культовому действу.

В итоге индивид оказывался полностью вовлечен в процесс, который критики назвали бы, скорее всего массовизацией сознания. Очевидно, что индивидуальное начало подобного рода мифоритуальных действий оказывается снижено, либо вовсе поглощено неким коллективным «мы». Это тот аспект «новой религии» спорта, созданной Кубертенем, который, пожалуй, был наиболее симпатичен и близок тоталитарным мифологическим системам Нового и Новейшего времени. Как и любая мифология, тоталитарные проекты этого периода были основаны на поглощении «я» коллективным «мы».

Не случайно, что некоторые представители элитарной тенденции в развитии европейской

культуры и философии Нового и Новейшего времени, в частности, испанский философ Х. Ортега-и-Гасет (1883-1955) и немецкий философ Т. Адорно (1903-1969) критикуют спорт как новую разновидность «гражданской религии» Европы и шире – всего Западного мира именно в этой связи.

Причину бурного развития спорта в XX веке Ортега-и-Гасет усматривал в перемене социокультурного приоритета, которым в XIX веке была работа, а в XX – игра. В результате, в XX веке широко распространилось спортивно-праздничное, карнавальное ощущение жизни. Другую причину распространения физических игр философ видит в материализации и «бодичентризме» культурных установок, когда тело становится надзирателем для души. Именно такое действие и оказывает спорт по мере своего распространения среди молодежи, отмечал Ортега-и-Гасет. Здесь философ подводит нас к пониманию роли спорта при тоталитаризме, где он выступает как инструмент духовного порабощения и подавления личности.

В работе «Дегуманизация искусства» (1925) философ демонстрирует роль спорта в инфантилизации культуры XX века. «За короткое время мы увидели, насколько поднялась на страницах газет волна спортивных игр, потопив почти все корабли серьезности. <...>Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости. <...>Европа вступает в эпоху ребячества»- констатирует Х. Ортега-и-Гасет.

Ему вторит немецкий философ Т. Адорно: «Современный спорт, можно сказать, пытается вернуть телу часть функций, отобранных у него машиной. Однако он делает это, чтобы тем самым еще неумолимее приучать человека служить машине. Он целенаправленно уподобляет тело машине. Поэтому спорт принадлежит царству несвободы, где бы его ни распространяли».

И все же насколько спорт как социокультурное явление соответствует тем признакам религиозности, какими они были обозначены, скажем, в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера и Г. Зиммеля.

Назовем эти характеристики: «1. Религии разделяют всю сферу человеческой деятельности на два пространства: сакральное и профанное. 2. Сакральное пространство конституируется рядом ритуалов и практик. 3. Функция религии является результатом символической интеграции индивида в сообщество, которая конституируется в форме коллективно-символической репрезентации. 4. Включение индивида в сообщество осуществляется с помощью групповых ритуалов, создающих и актуализирующих чувство общности. 5.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Создаваемая таким образом религиозная система смыслов перерабатывает – как форма второй степени» (Зиммель) – различные формы социальной жизни (экономическую, политическую, культурную и другие) в позитивное единство. 6. Религия тем самым – это преодоление противоречий современного общества с помощью трансцендирования. 7. Посредством такой (трансцендирующей) структурализации религия создает смысловой фон повседневной жизни, и притом как раз благодаря символической институализации, обеспечивающей общность индивидов».

Очевидно, что современная концепция западного спорта отнюдь не синонимична и не коррелирует со всеми из выше перечисленных особенностей религиозного сознания. Вместе с тем, было бы ошибкой не замечать и определенное сходство современного понимания спорта на Западе с тем, что касается истолкования религиозного сознания *ragexcellence* (по преимуществу). Речь идет о присутствии в спорте отмеченной выше сакральной составляющей. Примером может служить и практически полное совпадение функции спорта и функции религии в части, касающейся символической интеграции индивида в некое сообщество, которое конституируется в форме коллективно-символической репрезентации.

Не следует преуменьшать значение и того обстоятельства, что хотя спорт и не создает никаких трансцендентных идеалов, поскольку его идеалы погружены всецело в сферу имманентного, тем не менее он способствует формированию определенного смыслового фона повседневной жизни. Благодаря своей символической составляющей спорт обеспечивает общность индивидов, объединенных вокруг некой идеи или идеала. В этом смысле спорт вполне тождествен той «классической» религиозности, основные черты которой Дюркгейм и Вебер пытаются систематизировать.

Подведем некоторые итоги. Хотя нет никакого сомнения в том, что современная западная модель спорта как социокультурного феномена не обладает всеми необходимыми признаками «классической религии», элемент сакрально мифологического в этой модели присутствует более чем отчетливо. Пожалуй, не будет большим преувеличением утверждать, что современный спорт на Западе, в том виде, в каком он основан на мифологии олимпизма, созданной Кубертенем, выполняет ряд социально-значимых функций, вполне коррелирующих с тем набором характеристик, которые свойственны традиционным религиям.

В этом смысле его значение в жизни западного социума трудно переоценить.

Бурное развитие массовой культуры в XX веке обусловило превращение феномена спорта в одну из его важных составляющих. Это не могло не вызвать негативной реакции со стороны тех представителей интеллектуальной элиты Европы и Запада, которые настаивали на сохранении элитарного характера европейской и западной культуры и подвергали довольно серьезной и обстоятельной критике как феномен массовой культуры, так и его составляющие. К их числу относится, прежде всего, упоминавшийся нами выше, испанский философ Х. Ортега-и-Гасет, а также нидерландский философ Й. Хейзинга (1872-1945), польско-американский философ Ф. Знанецкий, социолог франкфуртской школы и близкого к ней круга, немецкий философ, специалист в области массовой культуры З. Кракауэр (1889-1945). Они усматривали в спорте довольно эффективный инструмент превращения общества в некоторое усредненное «досман»-инструмент на реализацию либо тоталитарных, либо квазитоталитарных проектов».

В общем и целом с этой критикой, пожалуй, можно согласиться. Однако стоит быть диалектичным в оценке влияния спорта на состояние западной культуры Нового и Новейшего времени. Наряду с отмеченными выше тенденциями, а именно с использованием спорта в контексте различного рода тоталитарных проектов модерна, нельзя не отметить и позитивную составляющую его присутствия в рамках современной массовой культуры. Возможно, именно последней обеспечивается известная стабильность западного общества.

В исследовательской литературе по данной проблеме очень часто подчеркивается социальный аспект феномена массовой культуры, как продукта развития капиталистических, буржуазных отношений, городской культуры западной Европы в целом. «Так или иначе, но очевидно, что массовая культура представляет собой вариант обыденной культуры городского населения (и, прежде всего, той его части, которая относится или тяготеет к буржуазной в функциональном смысле субкультуре) эпохи «высоко специализированной личности», компетентной только в своей узкой сфере знаний и деятельности, а в остальном предпочитающей пользоваться печатными, электронными или одушевленными справочниками, каталогами, «гидами» и иными источниками экономно скомпонованной и редуцированной «для круглых дураков» информации».

Автор конкретизирует: «Массовая культура представляет собой новый в социокультурной

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

практике, принципиально более высокий уровень стандартизации системы образов социальной адекватности и престижности, какую-то новую форму организации «культурной компетентности» современного человека, его социализации и инкультурации, новую систему управления и манипулирования его сознанием, интересами и потребностями, потребительским спросом, ценностными ориентациями, поведенческими стереотипами и так далее».

И еще одно уточнение: массовая культура стала возможной в тех общественных системах, в которых «...значительная, если не подавляющая часть населения получила образование. И только при отсутствии жестких социальных перегородок, в условиях интенсивной мобильности населения, его массовой миграции в крупные промышленные центры, при открывшихся для масс после крушения сословного порядка возможностях социального продвижения, кардинальных переменах всего образа и стиля жизни».

Массовая культура является способом жизни современной цивилизации. «Относиться к ней можно по-разному, но нельзя не признать, что в ней буквальным образом реализовался великий проект европейского гуманизма с его лозунгом: Все на благо человека! Все во имя человека! И мы знаем этого человека: это мы сами!

В условиях рыночной экономики массовая культура нацелена на реализацию любых потребностей - были бы они выражены и проявлены».

Широко известно, что массовая культура обладает уникальной способностью, а именно подвергает определенного рода сублимации и канализации те негативно-деструктивные, агрессивные потенции, которые накапливаются в общественном сознании. Они способствуют созданию ситуаций, при которых всякого рода революционные социальные катаклизмы оказываются неизбежными. История Нового и Новейшего времени изобилует подобного рода примерами. То обстоятельство, что современный Запад довольно длительный промежуток времени живет в нетипичной для себя ситуации высокой степени социальной стабильности, указывает на то, что массовая культура как феномен и спорт, как его составляющая, довольно эффективно справляются с этой своей функцией.

Превращая агрессию в игру и обеспечивая соревновательный характер общественного процесса, который проводится в определенных рамках и обладает высокой степенью легитимности, массовая культура и спорт как ее важнейший элемент обеспечивают современному обществу надежные основания

стабильности и не дают деструктивным тенденциям выйти за рамки общепринятых представлений о морали и праве.

Решающим фактором в превращении спорта в эффективный инструмент регулирования настроений в обществе является превращение его в общедоступный феномен. Несмотря на то, что спорт, как и любое другое явление современной культуры, с необходимостью подвергается институционализации и профессионализации, именно доступность спортивной активности (которая обеспечивается не столько вовлеченностью индивида в нее, сколько трансляцией спортивных достижений по средствам масс-медиа) придает спорту характер важнейшего культурного феномена. Она же обеспечивает тот самый эффект сопричастности, без которого трудно говорить о регулировании состояния общественного сознания с целью минимизации его нигилистических, деструктивных потенций.

Чрезвычайно важно иметь в виду то, что спорт выполняет интегрирующую функцию для современного общества. Он обеспечивает человеку включенность в различного рода структуры, которые работают сообразно определенным правилам. Дух ассоциации обеспечивает чувство причастности и вовлеченности человека в социальные процессы, что также, несомненно, является фактором стабилизации современной общественной жизни на Западе.

Еще одна важная характеристика феномена спорта как социокультурного явления заключается в его рациональном характере. Это также коррелирует с фундаментальными особенностями западной цивилизации в том виде, в каком она складывалась, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до текущего времени. «Главенствующая в спорте идея и идеология овладения собой, «преодоление» себя с помощью рациональных усилий и технических средств ради воплощения идеальных представлений о человеке и обществе, ценою предельного напряжения, а нередко и большого риска, сходна с аналогичными стимулами деятельности в новейшем искусстве, изобретательстве и вообще любом творчестве, в систематическом оцивилизовывании повседневности».

Теперь уже, несомненно, то, что спорт в эпоху модерна стал одним из важных факторов построения нового, динамически развивающегося и при этом довольно устойчивого общества. Во главу угла его поставлена либеральная ценность человека как суверенного субъекта политико-правовых, социально-экономических и общекультурных отношений.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

«Спорт как система воплотил в себе идеи и черты укоренившегося его общества. И наоборот: спортивное отношение к себе и другим, метафорику соревнования, рекордов, рейтингов стало теперь возможным переносить на неспортивную реальность, поведение в сферах современной политики, бизнеса, искусства. Точнее говоря, на все сферы, освобождавшиеся от власти традиционного авторитета и становящиеся в этом плане символическим воплощением «современного».

Будучи выражением своеобразного духа общества, в том виде, в котором он складывался в отмеченную эпоху, спорт по праву может считаться одним из важных катализаторов становления того, что в философской литературе получило обозначение как «культура молодых». Не случайно, что на родине спорта – в Великобритании в 1820-1840-х годах именно молодежное аристократическое движение, направленное на улучшение физических характеристик человека, расширение его возможностей на фоне повышения интереса человека к телу, стало тем движущим механизмом, который повлек за собой возникновение спорта как массового и профессионального явления.

Ювенальный аспект культуры Нового и Новейшего времени на Западе имеет те же самые истоки, что и повышение интереса к телесному и возникший в связи с этим холизм, как философская и идеологическая концепция современного спорта в рамках западной его модели. Речь идет о магистральном для сознания Нового и Новейшего времени векторе сведения бытия к вещественно-материальной одномерности. Атеизация сознания на фоне его растущей дехристианизации ведет с необходимостью к ослаблению идеи абсолютного божественного бытия, что в свою очередь сопровождается переоценкой категории времени. Никто в контексте этой культуры уже не думает о вечности. Время человеческого существования рассыпается на взаимно исключающие точки-мгновения – здесь, теперь, там и тогда. Точка-мгновение как временной интервал не в состоянии вместить в себя всю полноту мыслей и чувств человека, связанных с переживанием вечности. Последняя становится вовсе неактуальна. Вместимость точки как своеобразного отрезка временного бытия ограничивается набором сиюминутных потребностей «я», который воспринимает себя как нечто исключительное, абсолютное.

На этом фоне вполне очевидно, что человек перестает искать неких раз и навсегда данных метафизически и теологически насыщенных смыслов жизни. Все смысложизненные вопросы так или иначе трактуются через призму

удовлетворения земных потребностей человека, сообразно его личным эгоистическим интересам, ради их скорейшего удовлетворения. Парадигма восприятия реальности через призму «здесь и сейчас» является одной из главенствующих мировоззренческих установок Нового и Новейшего времени. Поскольку человек выпадает из вечности, последняя перестает его интересовать как в ретроспективе, так и в перспективе.

Результатом этого является своеобразная девальвация традиционных для патриархального христианского общества ценностей, связанных с гипертрофированным статусом старшего поколения, как источника и транслятора культурного опыта. Возникает феномен забвения, долга перед отцами, предками, и напротив, происходит возвеличивание поколения молодых, которые испытывают чувство гордости от того, что способны своими руками совершить нечто недоступное старшему поколению. В конечном итоге это ведет к ослаблению и почти полному разрыву во взаимодействии поколений в рамках одного общества.

Conclusion

Во всяком случае, можно констатировать, что на фоне ослабления интуиции вечности возникает принципиально новая мифологема "вечно молодого человека", становится престижным и чрезвычайно популярным быть физически совершенным, здоровым, успешным и способным к выполнению различного рода задач. В совокупности эти характеристики определяют социальный статус человека, меру общественного признания со стороны окружающих.

Неудивительно, что спорт с его апологией совершенного человеческого тела, постоянно раздвигающего границы своих возможностей, оказывается более чем уместен в контексте этой новой западной мифологии. Ее суть в преодолении времени не через христианское преображение души и всякого рода мистический религиозный опыт, но через возможно более длительное сохранение здоровья, молодости и состоятельности человеческого тела, возможно более эффективное отдаление фазы его старения, ради того, чтобы человек продолжал оставаться эффективным и успешным в обществе. Очевидно, что спорт здесь, особенно массовый спорт, более чем инструментален.

На основе этой мифологии рождается и идеология западного спорта, основными элементами которой являются презумпция равенства, неограниченных возможностей спортивных достижений, а также духа команды, форм и значения позитивной социальности. Следует иметь в виду, что даже негативные

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.234	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 1.042	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

тенденции, возникающие в эпоху постмодерна и связанные, прежде всего с избыточной коммерциализацией спортивной активности на Западе, не ведут к радикальному пересмотру

этой мифологии и возникших на ее основе мифологем.

References:

1. Dshovanni Piko dela Mirandola (1981) «Die Rede über die Menschenwürde»/ «Die Aesthetik von Renaissance», p. 249
2. Gaidenko PP (2009) «Die Geschichte der neueropäischen Philosophie im Zusammenhang mit der Wirtschaft», p. 15
3. Tranter N (1998) Sport, economy and society in Britain. 1750-1914. Cambridge.
4. Coubertin P (1997) Olympische Memoiren. – Kiev, 1997, p. 32
5. Coubertin P (2017) The Olympic idea: discourses and essays/ P. Coubertin, -p. 131
6. Hoberman J (1986) The Olympic Crisis. Sport, Politics and The Moral Order. NY, 1986. p.35
7. Saraf MJ (1997) «Sport und Kultur»/ «Sport, geistliche Werte, Kultur»
8. Grupe O (1986) «Über die Sportzukunft» / «Physische Kultur und Sport», 1986 № 5 p.18
9. Wasilyeva OS, Baranova VB (2004) «Das olympische Paradigma der Entwicklung moderner Sportmentalität» /Physische Kultur 2004, № 2
10. Alkemeyer T (1966) Die Wiederbegründung der Olympischen Spiele als Fest einer Bürgerreligion. In: Gerbauer (Hrsg): Olympische Spiele die andere Utopieder Moderne. Olympia zwischen Kult und Droge. Frankfurt a. M. 1966, p. 70
11. Lenk H (1964) Werte-Ziele- Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele. Schorndorn.
12. (2004) Ortega-y-Gaset / «Dehumanismus der Kunst»/ «Der Geruch von Kultur», 2004, p. 177-178
13. Adorno T (1997) «Das Reich der Unfreiheit und der Sport/ In : CAYSA/ Leipzig, p. 43
14. Franke E (2006) «Der Modernsport , die Religion der Milleniengrenzen» 2006, № 6, p. 75
15. Flier AJ (1998) «Die Massenkultur und ihre Sozialfunktionen» / «Gesellschaftliche Wissenschaften und Moderne. 1998, №6, p.148
16. Dubin BW (2001) «Klassische und die Masseliteratur: Die Literatur als Ideologie und die Literatur als Zivilisation»/ Das Wort. Der Brief. Die Literatur. 2001, p. 314
17. Tultschinskiy GL (2008) «Hochstapelei, die Massenkultur und neue Anthropologie/ «Der Mensch», 2008, №1, p.52
18. Dubin B (2017) «Die Rivalität und die Solidarität» / «Der Sportgeburt von Gesellschaft» p.103.

